

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668

УДК [811.161.1:811.411.2]255'373.611

Научная статья / Research article

Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее роль в достижении переводческой эквивалентности

Р.А. Аль-Фоади¹, В.Н. Зарытовская²✉, Р.Х. Аль-Рознамачи¹

¹Багдадский университет,
10001, Ирак, Багдад, Аль-Джадирия, квартал Аль-Каррада

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
✉widaad@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена не теряющему актуальности вопросу словообразовательной мотивации, которая играет роль не только в раскрытии формально-семантических отношений между словами одного языка, но имеет теоретическое и прикладное значение. Авторы рассматривают словообразовательную мотивацию последовательно в ее разновидностях в сравнительном ключе на материалах неродственных языков — русского и арабского — и подходят к вопросу о механизме достижения семантической эквивалентности перевода. В наибольшей степени словообразовательная активность сегодня в силу объективных причин затрагивает отраслевую (техническую, медицинскую и др.) лексику, запас которой в национальных словарях возрастает год от года. Именно этот обширный материал, отобранный авторами, не только иллюстрирует актуальные тенденции словообразования в современных языках, но и дает ответ на вопрос о степени эквивалентности этой подгруппы слов в русском и арабском. Постановка цели — сравнить словообразовательную мотивацию по ряду критериев в разнотипных языках — позволила не только получить теоретические сведения о том, какие особенности имеет каждый из языков в словообразовании и каким деривационным потенциалом он обладает, но также подойти к формированию алгоритма перевода производных слов с одного языка на другой. Для этого авторами решается ряд таких частных задач, как выделение значимых элементов в составе неологизмов русского и арабского языков, установление законов и стандартов образования научно-терминологической лексики в арабском языке, поиск инструментов (операции трансформации, конкретные словообразовательные форманты), которые будут способствовать достижению переводческой эквивалентности с русского на арабский и др. Установление различий в механизмах образования новой лексики в русском и арабском языках представило возможность дополнить относительно молодую и стремительно развивающуюся частную методику русско-арабского перевода.

Ключевые слова: словообразовательная мотивация, русский язык, арабский язык, неологизмы, термины, переводческая эквивалентность

© Аль-Фоади Р.А., Зарытовска В.Н., Аль-Рознамачи Р.Х., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 25.01.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Аль-Фoadи Р.А., Зарытовска В.Н., Аль-Рознамачи Р.Х. Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее роль в достижении переводческой эквивалентности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 652—668. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668

UDC [811.161.1:811.411.2]'255'373.611

Motivation of Word Formation in Russian and Arabic Languages and its Role in Achieving Translation Equivalence

Raheem A. Al-Foadi¹, Victoria N. Zarytovskaya²✉, Ragad H. Al-Roznamachi¹

¹University of Baghdad,

Al-Jadiriya, al-Karrada quarter, Baghdad, Iraq, 10001

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

✉widaad@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of word-formation motivation, which does not lose its relevance and plays a role not only in disclosing formal-semantic relations between words of one language and has not only theoretical, but also applied significance. The authors consider word-formation motivation consistently in its varieties in a comparative way on the materials of so different languages as Russian and Arabic and approach the mechanism of achieving semantic equivalence of translation. To the greatest extent, word-formation activity today, due to objective reasons, affects some special branch (technical, medical, etc.) vocabulary, which is increasing from year to year in national dictionaries. This extensive material, selected by the authors, not only illustrates the current trends in word formation in modern languages, but also provides an answer to the question about the degree of equivalence of this subgroup of words in Russian and Arabic. The goal to compare word-formation motivation according to a number of criteria in different-structured languages made possible not only to obtain theoretical information about what features each of the languages has in word formation and what derivational potential it has, but also to reveal an algorithm for translating derived words from one language to another. For this, the authors complete a number of such particular tasks as highlighting significant elements in the neologisms of the Russian and Arabic languages, establishing standards for the formation of scientific and terminological vocabulary in Arabic, searching for tools (transformation operations, specific word-formation formants) that will contribute to the achievement of translation equivalence from Russian to Arabic, etc. Also the analysis of differences in the mechanisms of the formation of new vocabulary in the Russian and Arabic languages provided an opportunity to supplement the relatively young and rapidly developing private methodology of Russian-Arabic translation.

Keywords: word-formation motivation, Russian language, Arabic language, neologisms, terms, translation equivalence

Article history:

Received: 25.01.2020

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Al-Foadi, R.A., Zarytovskaya, V.N. & Al-Roznamachi, R.H. (2021). Motivation of Word Formation in Russian and Arabic Languages and its Role in Achieving Translation Equivalence. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 652—668. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668

Введение

Несмотря на то, что словообразовательная мотивация лексических единиц русского языка уже многие десятки лет находится в фокусе внимания российских лингвистов (М.Ю. Беляева, О.И. Блинова, Н.Н. Болдырев, С.Б. Козинец, И.А. Ширшов и др.) [1—5], не говоря уже об арабских ученых Раннего Средневековья и современных арабских филологах, у которых этот вопрос в отношении слов арабского языка издавна вызывал живой интерес, сущность данного языкового явления остается объектом исследований и рассматривается в различных аспектах в обеих лингвистических традициях.

Анализ того, что происходит с морфологией и семантикой при деривации, есть ключ к точному пониманию формы и содержания производного слова. Безусловно, по-прежнему важными являются вопросы типологии словообразовательных гнезд и их границ, установления отношений словообразовательной мотивации между членами гнезда, формальных преобразований основ слов в гнезде, деривационного потенциала различных участков словообразовательных гнезд [1; 6; 7]. Но также очевидно, что словообразовательной мотивации принадлежит роль не только в раскрытии формально-семантических отношений между словами одного языка, позволяющем проникнуть в его структуру. Не менее перспективным представляется сопоставительное исследование словообразовательной мотивации на материале неродственных языков, таких как русский и арабский, тем более что это подводит к решению практической задачи достижения семантической эквивалентности в переводе.

Как известно, вопрос установления словообразовательной мотивации слов решается по закону Г.О. Винокура, согласно которому «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [8. С. 421]. По данному критерию словообразовательной мотивации дериваты формально и семантически зависят от формы и семантики мотивирующей основы. Более того, значение деривата обусловлено значением производящей базы, которая отличается от производного тем, что ничем не мотивируется [9. С. 240]. Поэтому семантику и структуру дериватов невозможно установить, не зная формы и семантики производящей базы, которая служит когнитивным кодом к семантике новообразованных слов.

Бесспорно, нельзя перевести новую лексику и даже «старую», если не знаешь ее структуры и семантики в языке-оригинале, но с другой — нужно обязательным образом раскрыть словообразовательную мотивацию такого типа производных слов в языке перевода, в нашем случае — в арабском, принимая при этом во внимание такие факторы, как регулярность—нерегулярность

мотивации и закономерности использования в образовании слов определенных формантов, нужно хорошо быть знакомыми с постулатами арабской словообразовательной мотивации.

Изучение арабского словообразования уходит корнями в древность. В частности, анализу словообразовательную мотивацию подвергал классический средневековый арабский языковед Ибн Фарис в своем сочинении «Maqaaiis al-lughaat» («Параметры языка») еще 12 столетий назад, обозначая ее как «определение значения производного слова значением целого, от которого оно откололось» [10. Р. 173], таким образом, выделяя структурно-семантические связи мотивирующих и мотивированных слов, которые современные арабские лингвисты считают «осью всех употреблений одного корня с одним и тем же общим лексическим значением, вокруг которой все значения вращаются и к нему притягиваются» [11. Р. 69].

Для словообразовательной мотивации в рамках арабской лингвистической традиции были установлены общие правила и выделены условия создания новой языковой единицы. Современный арабский лингвист М. Мубарак назвал следующие условия «верного» словообразовательного процесса: 1) одно число букв корней мотивирующих и мотивированных слов (в арабском это традиционно три согласные буквы); 2) корневые должны следовать в производных и производящих словах в строго установленном порядке; 3) оба слова — образующее и образованное должны иметь общее до определенной степени значение [12. Р. 78—79].

Первое условие проверяется сравнением значимых элементов мотивирующей базы с составом мотивированного слова. Например, араб. حَوْلَ [hauūala] — рус. *трансформировать* → араб. مُحَوِّلٌ [muḥaiūalun] — рус. *трансформатор*; араб. كَتَفَ [kattafa] — рус. *конденсировать* → араб. مُكْتَفٍ [mukattifun] — рус. *конденсатор*. Три корневых арабской производящей базы сохраняются при мотивационной грамматической категоризации, поскольку именно с этими тремя элементами связывается в арабском вещественное лексическое значение. Так, в كَتَفَ [kattafa] — *конденсировать* есть три базовых составляющих корня, три согласные фонемы, с которыми ассоциируется его главная идея «конденсация» — k-t-f. Они же сохраняются и в производном слове مُكْتَفٍ [mukattifun] — *конденсатор*. Определенное количество звуков корня сохраняет семантическое единство слов одного и того же словообразовательного гнезда арабского языка, что выступает гарантией стабильной словообразовательной мотивации и умножения слов одного и того же корня по действующим в арабском языке деривационным моделям.

При втором условии, когда буквы в составе корней мотивированного и мотивирующего слов должны быть расположены в строгом порядке следования, базовые элементы корня никак не меняют своего положения по отношению друг к другу в словах — производящих и производных, например араб. تَبَرَّعَ [tabarra'a] — рус. *пожертвовать* → араб. مُتَبَرِّعٌ [mutabarri'un] — рус. *жертвователь*; араб. يقرأ [i'qra'u] — рус. *читать* → араб. قارئٌ [qari'un] — рус. *читыватель*. Во всех этих примерах просматривается закреплённый

порядок следования арабских букв в процессе словообразовательной мотивации: [*tabarra* 'a] تَبَرَّرَ → [*mutabarri* 'un] مُتَبَرَّرٌ — первый — t, второй — b и третий — ' ; [*īaqrā* '] يقرأ → [*qāri* 'un] قارئٌ — первый — q, второй — r и третий — ' , что обеспечивает производство новых слов от одного корня при неразрывности их связи с общим семантическим знаменателем.

Таким образом, общее лексическое значение корня, как указывал Ф.Ф. Фортунатов, поддерживается способностью выделить звук в качестве признака мышления [13], а устойчивый порядок следования базовых элементов арабского корня есть целая познавательная система расположения элементов корня, так как одним и тем же порядком следования элементов корня в мотивирующих и мотивированных ими словами удерживается вещественное лексическое значение слова [14. Р. 140]. В арабском языке порождение новой лексики в первую очередь зависит от того, насколько производные слова могут сохранить жесткий порядок расположения элементов корня заданного количества, чтобы словообразовательная мотивация стала показателем семантической и грамматической связи однокоренных слов. Только учитывая эту специфику арабского языка, мы можем приступить к рассмотрению и сопоставлению словообразовательной мотивации в обоих языках, чтобы понять ее роль в порождении перевода как конечного результата межъязыковой коммуникации.

Материалы и результаты исследования

Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее классификации

Итак, рассмотрим, как образуются и переводятся с русского на арабский слова типа рус. *цифровать* — араб. [*īraqmini*] يُرَقِّمُنْ → рус. *цифратор* — араб. [*muraqminun*] مُرَقِّمِينَ; рус. *кодировать* — араб. [*īušaffiru*] يُشَفِّرُ → рус. *кодер* — араб. [*mušaffirun*] مُشَفِّرٌ; рус. *анализировать* — араб. [*īuħallilu*] يُحَلِّلُ → рус. *анализатор* — араб. [*muħallilun*] مُحَلِّلٌ; рус. *маршрутизировать* — араб. [*īuajjihū*] يُوجِّهُ → рус. *маршрутизатор* — араб. [*mīajjihun*] مَوْجِّهُ; рус. *шифровать* — араб. [*īušaffiru*] يُشَفِّرُ → рус. *шифратор* — араб. [*mušaffirun*] مُشَفِّرٌ. В данном виде словообразовательной мотивации, которая классифицируется как прямая и полная, наблюдается вхождение значения производящего в значение производного, к тому же в производном слове данное значение формирует ядро лексического значения. В таком типе словообразовательной мотивации И.С. Улуханов выделяет два признака: 1) оба слова имеют один и тот же корень; 2) значение одного из них: а) полностью входит в значение другого (*дом* — *домик* 'маленький дом', *победить* — *победитель* — 'тот, кто победил') или б) тождественно лексическому значению другого [15. С. 38]. Лексическое вещественное значение мотивирующих основ *цифровать*, *кодировать*, *анализировать*, *маршрутизировать*, *адаптировать*, *сканировать*, *шифровать*, *компьютеризировать* полностью вошло в значение мотивированных ими производных: *кодер*, *анализатор*, *маршрутизатор*, *шифратор*.

Повторяемость образования по одной и той же модели, с помощью одного и того же форманта *-or*, *-er*, показывает, что данному типу мотивации свойственен дополнительный признак — регулярности. Таким образом, данный тип мотивированности обоснованно можно называть **полной прямой продуктивной мотивацией**.

Отметим также, что приведенные выше арабские эквиваленты представлены научно-техническими терминами, выраженными четырехбуквенными глаголами (при традиционных трехбуквенных) и их производными либо глаголами 2-й породы (пород насчитывается только активно используемых — 10) и их производными, потому что именно в них чаще всего наблюдается *прямая словообразовательная мотивация*, при которой элементная структура однокоренных производящих и производных слов одинакова, что облегчает процесс познания данного типа мотивации, отличающегося от другого вида — метафорического.

Из примеров следует, что условия прямой арабской словообразовательной мотивации очень близки по форме и содержанию правилам словообразовательной мотивации русского языка. Оба языка для данного типа мотивации требуют: необходимости того, чтобы оба слова обладали одним и тем же корнем, т.е. были однокоренными (при совершенно разных подходах к морфологии корня в русском и арабском языках); полного или частичного вхождения значения производящих баз в значение производных слов; тождества одного слова лексическому значению другого.

Однако этим типом мотивации словообразование не ограничивается. В разработанной им шкале мотивированности И.А. Ширшов также выделяет **метафорическую мотивацию** наряду с прямой полной мотивацией, указывая в ней на нелинейную связь мотивирующих баз со своими мотивированными словами [5. С. 163]. Суть данного типа заключается в том, что метафорический смысл порождается у определенных основ мотивирующего слова именно в его словообразовательной структуре, другими словами, смысл производных слов базируется на переносном значении производящих основ [5. С. 242].

Метафорическая мотивация в новой лексике современного русского языка представлена более чем широко, также как и в арабском, например, *черные дыры* — араб. [*attiqūbu alsāūdā`u*] النُّقُوبُ السُّودَاءُ; *словообразовательное гнездо* — араб. [*al`uṣū aliṣtiqāqī*] العُشُّ الإِشْتِقَاقِي; *порождение речи* — араб. [*tauūlīdu alkalāmī*] التَّوْلِيدُ الكَلَامِي; *речевая ткань* — араб. [*annasīḡu alkalāmī*] النَّسِيجُ الكَلَامِي.

Важно, что новообразованные слова не мотивируются прямым значением производящих слов. Слово *дыра* — ‘щель, пролом, пустота в чем-либо’ [16. С. 459] в прямом смысле никак не связывается с космосом или астрономией. Другой пример — *словообразовательное гнездо* — словосочетание, которое мотивируется не прямым значением слова *гнездо* — «место, устраиваемое или приспособляемое птицами для кладки яиц и высидывания птенцов» [16. С. 320], а переносным, когда оно обозначает группу слов с одним и тем же корнем, собранную в соответствии со словообразовательной

мотивацией. По тому же принципу метафорической мотивации образуется выражение *речевая ткань*, ведь *ткань* в русском языке есть 1) тканая материя, материал (шерстяная ткань, декоративные ткани); 2) группа однородных клеток, связанных между собой и выполняющих в организме одни и те же функции (мышечная ткань, нервная ткань...» [16. С. 369]. В прямом смысле слово *ткань* как своего рода группа клеток в одном материале не может быть мотивирующей базой выражения *речевая ткань*, ведь в словах нет однородных клеток шерсти или органической системы живого существа. Данное выражение мотивируется исключительно переносным значением слова *ткань*, так как речь должна быть так организована, чтобы напоминать точностью грамматических правил высокую организованность человеческой ткани.

Значительная доля случаев употребления метафорической мотивации приходится на порождение неологизмов в медицинской области, поэтому в обоих языках намечается большая группа медицинских терминов, мотивированных метафорически: рус. *барабанная перепонка* — араб. [ʔablātu al'uduni] طَبْلَةُ الْأَذْنِ; рус. *сердечная сумка* — араб. [ħaqībatu alqalbi] حَقِيْبَةُ الْقَلْبِ; рус. *сосудистая стенка* — араб. [ġidāru al'au'īati addamū'īati] جِدَارُ الْأَوْعِيَةِ الدَّمَوِيَّةِ; рус. *слезный мешок* — араб. [kīsu addam 'i] كَيْسُ الدَّمْعِ и др.

Безусловно, можно выделить данный вид словообразовательной мотивации в общеупотребительном и разговорном пластах: рус. *сердцеедка* — женщина, которая покоряет мужчин или пользуется большим успехом у противоположного пола, англ. *a heartbreaker*, араб. [qāhiratu alqulūbi] قَاهِرَةُ الْقُلُوبِ; рус. *буквоед* — насекомое, которое заводится в старых книгах, человек, которому интересно читать книги, англ. *a book eater*, араб. [ā'kilu alkutubi] أَكْلُ الْكُتُبِ; рус. *людоед* — англ. *a maneater*, араб. [almuġtābu] الْمُغْتَابُ.

Очевидно, что слова *перепонка*, *сумка*, *стенка*, *мешок*, *сердцеедка*, *буквоед*, *людоед* и др. не имеют прямых мотивационных отношений со своими производящими базами, они лишь опосредованно с ними связаны, из чего можно сделать вывод, что метафорическая мотивация на основе переносных значения корня первоначально немотивированной базы играет значительную роль в порождении новой лексики. Приведенные выше слова служат также примером того, что метафорическая мотивация характерна не только для слов общего употребления, но и для узко специализированных, не только односложных, но и составных, с двумя корнями.

Интерес вызывает возможность метафоризации обеих частей сложного слова. В словах типа *буквоед*, *людоед*, *сердцеед* метафоризируются одновременно обе части слова, что обязывает нас выделить **сложную метафорическую мотивацию**, при которой оба корня слова утрачивают прямую мотивационную связь с производящей базой и образуется новое значение, базирующееся на переносных значениях обеих частей сложного слова. Мотивационные отношения сложных слов рассматривала в частности Н.Х. Низаметдинова, не без основания считая образованное по данному типу сложное слово вершиной гнезда [17. С. 71].

Корень простого слова в его прямом значении для любого из компонентов подобного сложного образования не может быть мотивирующей базой. Прямые семантические связи обоих компонентов сложного слова не в силах стать мотивирующей базой метафорического значения, получившегося после сочетания обеих частей. Общее значение сложного слова, мотивированного метафорически, достигается только по факту соединения двух или более частей композита в одном метафорическом целом. И даже компоненты словосочетания, мотивированного метафорически, подчиняются тому же словообразовательному правилу, при котором слова данного сочетания приобретают свое метафорическое значение только после того, как организуются в одном целом типа *барабанная перепонка*.

Метафорической мотивации в арабском языке отводится особое место, что связано с давним широким ее использованием. Средневековый арабский филолог аль-Аскарри определяет метафору как «напоминание одного другим уподобляющихся друг другу вещей, но значение уподобляемой входит в значение уподобляющей вещи» [18. Р. 110], другие исследователи — как «связывающее между реальным и переносным значением отношение» [19. Р. 108]. Если следовать мысли арабского средневекового ученого аль-Джурджани в определении метафоры как «называния вещи другим именем» [20. Р. 243], что в большинстве случаев делается на базе общего сходства вещей и явлений, то очевидно, что метафора была и остается самым распространенным способом порождения новой арабской лексики. Так, при изобретении передового орудия или способа передвижения, средства транспортировки арабы прибегают к метафорическим мотивационным отношениям. Например, англ. *a car* и рус. *машина*. В русском *машина* мотивируется напрямую, поскольку слово связано с чем-то механическим. Но в арабском мотивируется через [qafilatun] قافلة — *караван*, поскольку караван сам ходит и самостоятельная ходьба уподобляется в нем автоматическому действию машины [23. Р. 32]. Второй пример — [tīāratun] طيارة — англ. *a plane*, рус. *самолет*. Слово طيارة в арабском языке мотивируется не прямым значением глагола *летать*, а переносным значением слова [atīārun] الطيار — англ. *a strong horse*, рус. *сильная лошадь*. Возможно, неносители арабского языка не увидят логики в том, что слово *самолет* в арабском языке мотивируется словом со значением «сильная лошадь», но для арабов лошадь веками представляла самое быстрое средство передвижения. Поэтому *самолет* в арабском языке как слово, отражающее явление современной жизни, мотивируется другим средством передвижения, которое веками считалось самым скорым. Его название включало в себя прямое и переносное значение «летать быстро». Таким образом, прибегая к метафорической мотивации при порождении новой лексики и по возможности избегая заимствований (даже *компьютер* образован в арабском от исконного корня [hasaba] حَسَبَ, арабы стараются привязать значение неологизма к частотному арабскому корню и удержать этимологическую основу для каждого нового слова в составе арабского словаря.

Если сравнить метафорически мотивированную новую лексику современно русского языка типа *черные дыры, ребячиться, словообразовательное гнездо, порождение речи, речевая ткань, сердцеедка, буквоед, людоед* и др. с арабскими перечисленными выше эквивалентами, то ни в одном из них мы не найдем прямых мотивационных отношений. Во всех случаях активизируется метафорическая мотивация между производящими базами и производными словами в новой лексике русского и арабского языков, как и в английском, который для большинства терминов является исходным. По всей видимости, перевод лексических единиц выполнил задачу не только передать основные понятия, но и сохранить вид метафорической мотивации, что свидетельствует не просто о межъязыковом контакте, но и о словообразовании как активном процессе обогащения словарного запаса языка новейшей лексикой при переводе, стремящемся к языковой эквивалентности.

Кроме прямой и переносной, И.С. Улуханов проводит на материале русского языка несколько других видов классификаций: непосредственные и опосредствованные мотивации; исходные и неисходные; единственные и неединственные; регулярные и нерегулярные [15. С. 39—45].

Под **непосредственной мотивацией** понимается мотивационное отношение двух слов, одно из которых отличается от другого только одним формантом, например, рус. *сушить* — араб. [iḡaffifu] يُجَفِّفُ → рус. *сушилка* — араб. [miḡaffifun] مُجَفِّفٌ; рус. *дробить* — араб. [iukasiru] يُكْسِرُ → *дробилка* — араб. [kassāratun] كَسَّارَةٌ. **Опосредованная мотивация** — это вид мотивации, при котором производное слово отличается от производящей основы совокупностью формантов [24], например, рус. *напильник* — араб. [mibradun] مِبْرَدٌ; рус. *намордник* — араб. [kamtāmatu alḡaiḡūni] كَمَامَةُ الْغَيَّوَانِ.

Деление мотиваций на непосредственную и опосредованную, как видим из примеров, оказывается неактуальной для арабского языка, который не имеет семантически значимых аффиксов. В арабском допускается присоединение только гласных звуков внутри корня и их количественное изменение. Так, в перечисленных дериватах *يُجَفِّفُ*, *مُجَفِّفٌ*, *مِبْرَدٌ*, *كَسَّارَةٌ*, *كَمَامَةُ* структура звуков корня, с которыми связывается лексическое вещественное значение, изменилась количественно, чтобы выразить новое значение. При этом сочетание или присоединение другого элемента к корню, наращивание корня невозможно, иначе исказится этимологическая основа, что запустит процесс разложения языка. Такова уникальная способность арабского корня флективно преобразоваться для выражения разных деривационных значений, не давая другим семантически значимым элементам присоединиться.

Третья классификация мотивации — на исходную и неисходную опирается на то, от какого слова образуется дериват. Подразумевается, что исходная есть мотивация мотивированным словом, например рус. *чистый* — араб. [nazīfun] نَظِيفٌ → рус. *чистильщик* — араб. [minazzīfun] مُنْظِفٌ → рус. *чистильщица* — араб. [minazzīfatun] مُنْظِفَةٌ. Очевидно, что первое слово *чистильщик* имеет **исходную мотивацию**, а второе — *чистильщица* характеризуется **неисходной мотивацией**. Данный вид классификации, безусловно, применим и

к арабскому языку, так как в нем есть слова, которые ничем не мотивируются кроме как активной базой минимальных значимых элементов корня, с которыми связывается его лексическое значение, и также слова-derivаты, мотивированными другими производными словами. Для нас важно, что деление словообразовательной мотивации по этому признаку показывает, какое слово является исходным-мотивирующим, ничем не мотивированным или производным, что дает переводчику возможность определиться с подбором стратегии перевода и нужного эквивалентного слова.

Выделяется также на фоне **единственной мотивации** неединственная мотивация, при которой слово мотивируется несколькими корнями и отличается от немотивированного слова определенным количеством формантов. Примерами могут служить следующие слова: рус. *атомизатор* — араб. [mirḍādun] مِرْدَادٌ единственной мотивацией и мотивированные в английском и арабском не одним словом, а двумя: рус. *амортизатор* — араб. [muḍāddu aṣṣadamāti] مُضَادُّ الصَّدَمَاتِ. Глагол и отглагольное существительное от него в арабском так же мотивируется двумя словами: рус. *амортизировать* — араб. [tāmtaṣṣu aṣṣadamāti] يَمْتَصُّ الصَّدَمَاتِ и *амортизация* — [amtiṣāṣu aṣṣadamāti] اِمْتِصَاصُ الصَّدَمَاتِ. Другие примеры: рус. *газификатор* — араб. [muḡaiūizun] مُغَوِّزٌ, но в арабском *газифицировать* — дословно *снабжать газом* — [iūzauḍu bialḡazi] يُزَوِّدُ بِالْغَازِ; рус. *газификация* — араб. дословно *снабжение газом* — [attazūūdu bialḡazi] التَّرْوِدُ بِالْغَازِ.

Для теории перевода существенно, что случаи единственной и неединственной мотивации, при которой производное слово мотивируется двумя словами, далеко не всегда совпадают в языках и при переводе проходит через определенные переводческие трансформации, как разложение на семы и перевод каждой из них: *валютчик* → человек + валюта + торговать → араб. дословно *торговец валютой* [tāḡiru al 'umlati] تَاجِرُ الْعَمَلَةِ; *газетчик* → человек + работать + газета → араб. дословно *человек газет* [raḡulu aṣṣuḡufi] رَجُلُ الصُّحُفِ. При этом неединственная мотивация оказывается более чем частотна в арабском словообразовании. Как мы уже указывали, арабский язык «неохотно» пропускает заимствования и использует внутренние ресурсы для образования новых слов. При недостатке таких ресурсов «приходится» прибегать к описательному методу обозначения вещи или явления средствами из внутренних резервов языка.

Последний вид классификации мотивации — это классификация на мотивации **регулярную и нерегулярную**. Последняя не так часто реализуется, поскольку по ее типу в языке образуется ограниченное количество производных слов. Здесь также случаи регулярной и нерегулярной мотивации могут в русском и арабском не совпадать, по большей части в сегменте малоупотребительной лексики.

Словообразовательная мотивация в аспекте частного русско-арабского перевода

Постулируя неделимую связь словообразовательных процессов с переводом, мы исходим из того, что нельзя перевести слово, не зная, что оно значит

и как оно образовано, поскольку анализ способа образования любой лексической единицы раскрывает входящие в его состав значимые элементы, служащие «ядрами» межъязыковой переводческой эквивалентности. Если сам процесс перевода образно представить как «действие, в котором идет видимое движение по поверхности языков» [23. Р. 1], то можно утверждать, что словообразовательная мотивация берет на себя задачу раскрыть это движение, ведь она показывает формально-семантическое соотношение слов языка-исходника и языка перевода.

По каждому из описанных выше видов мотивации представляется возможным наметить алгоритм перевода новой лексики. Раскрывая механизмы достижения переводческой эквивалентности на базе словообразовательной мотивации, мы начнем с первого ее вида — с перевода слова, образованного *полной прямой мотивацией*. В первую очередь устанавливается та семантическая связь, которой связываются дериваты с производящими базами в оригинале. На основе общности корня определяется семантическая база, по которой переводящий познает смысл корня деривата и далее по способу словообразования — значение деривата. Эти два фактора — семантическая база и способ словообразования — раскрывают не только общее лексическое значение, но и уточненное, деривационное. Этого, на первый взгляд, достаточно для достижения эквивалентности при данной разновидности мотивации, поскольку особенность прямой словообразовательной мотивации заключается в том, что она сразу являет переводчику общее вещественное значение корня, например в *atom* → *атомщик*. Далее переводчику необходимо установить словообразовательное значение форманта *-щик*, на который падает нагрузка объяснить, что тот, кто занимается атомной энергией, является атомщиком — исполнителем деятельности. Первый этап переводческой деятельности — понимание и осмысливание подлежащего переводу — при данном типе мотивации самый простой.

Казалось бы, очевидная совокупность значений обеих частей слова приближает переводчика к точному эквиваленту в языке перевода, который находится по аналогичному корню в языке перевода и подобному способу образования новой лексики на основе прямой мотивации. Однако обратимся к примерам: рус. *атом* — араб. [*darratun*] ذَرَّةُ → *атомщик* — [*ālimu darratin*] عالم ذَرَّةٍ; рус. *бетон* — араб. [*ḥarasānatun*] خَرَّانَةٌ → рус. *бетонщик* — [*‘āmilu alḥarasānati*] عامل الخرسانة; рус. *вербовка* — араб. [*taḡnīdun*] تَجْنِيدٌ → рус. *вербовщик* — араб. [*miḡannīdun*] مُجَنِّدٌ; рус. *весы* — араб. [*mizānun*] مِيزَانٌ → рус. *весовщик* — араб. [*ūazzānun*] وِزَانٌ.

Русскому суффиксу *-щик* соответствует три варианта арабских формантов: 1) слова типа *рабочий* или *ученый*, что делает арабскую мотивацию уже не единственной, если слово мотивируется ими помимо существительных, как *атом*, *валюта* и др. — дословно *работник бани*, *ученый атома* и т.д.; 2) действительного причастия, в зависимости от породы, если слово мотивировано глаголом, как в случае с *вербовать*; 3) формантом по модели профессии и инструмента [*fa‘āl*] فَعَالٌ, как в последнем примере с [*ūazzānun*] وِزَانٌ.

когда арабское производное мотивируется глаголом 1-й породы и означает при этом привычную профессию. Таким образом, однозначного соотношения словообразовательных суффиксов в русском и арабском нет даже при переводе прямо мотивированного слова, и его выбор в арабском переводе зависит не от того, какой русский суффикс участвует в словообразовании, а какую морфологическую форму имеет слово—начало арабской словообразовательной цепочки. Поскольку структура арабского языка значительно отличается от структуры русского, например в русском языке отсутствует категория породы глагола, то и способы образования слов не будут соотноситься как 1:1. Разные породы арабского глагола могут иметь закрепленные форманты словообразования. А совсем новые явления, например как *атомищик* с короткой в арабском словообразовательной цепочкой, могут образовывать термин неединственной мотивации через описательному способ.

При переводе метафорически мотивированного слова задаче переводчика найти нужный эквивалент в языке перевода предшествует поиск эквивалента, не метафорического, прямо указывающего на значение, в языке оригинала, поскольку необходимо знать ту мотивационную связь, по которой производные и производящие слова связываются. В этом случае возникает сложный вопрос о степени зависимости переводческой эквивалентности от полноты передачи словообразовательной метафоры. Во-первых, сама образность при переводе может исчезнуть, и это считается нормой перевода, если выразительное и понятное для носителей языка перевода средство уподобления не найдено. Например, рус. *змея* — араб. [ʿāfā] أفعى → рус. *змеиться* — араб. [īraūiġu] يُرَاوِعُ; рус. *бык* — араб. [taūrun] تَأْوِرُ → рус. *бычиться* — араб. [īatahhaġamu] يَتَجَهَّمُ; рус. *еж* — араб. [qunfuḍun] قَنْفُذٌ → *ежиться* — араб. [īankamišu] يَنْكَمِشُ и др. Во-вторых, если в переводе и раскрывается переносное значение мотивирующего слова, но оно далеко не всегда передается аналогичными образными средствами. Это зависит уже от степени совпадения картин мира у носителей различных языков.

Получается, что процесс перевода только на стадии понимания исходного текста в этом случае обусловлен 4-мя факторами: 1) основное значение производящей базы; 2) метафорическое значение данной базы; 3) метафорическая мотивация; 4) значение аффикса. Это для русского языка, а для арабского, помимо того, нужна и словообразовательная модель, по которой производное слово образуется, либо в случае использования метафорической мотивации и в арабском языке, компетентная оценка культурного значения метафоры и ее приемлемости в языке перевода.

Другой вид словообразовательной мотивации, по которому достигается переводческая эквивалентность — непосредственная и опосредованная. При первой дериват отличается от производящей базы только одним формантом, например, рус. *вредить* — араб. [īuḍirru] يُضِرُّ → рус. *вредитель* — араб. [muḍirrun] مُضِرٌّ; рус. *вещать* — араб. [īuḍiʿu] يُذِيعُ → рус. *вещатель* — араб. [muḍiʿun] مُذِيعٌ; рус. *взрывать* — араб. [īufaġġiru] يُفَجِّرُ → рус. *взрыватель* — араб. [mufaġġirun] مُفَجِّرٌ. В данном виде словообразовательной мотивации

переводческая эквивалентность достигается путем раскрытия общности корня обоих слов — мотивирующего и мотивированного, с которым связывается общее лексическое значение, поскольку корень у обоих слов один. Словообразовательный аффикс *-тель* тоже один, и это значит, что производное слово осложняется лишь одним формантом, которым словообразовательное значение выражается. В арабском языке общность корня мгновенно позволяет познать общее значение, а флективная модель словообразования раскрывает словообразовательное значение.

Для опосредованной мотивации достижение переводческой эквивалентности более сложная цель — как на этапе понимания иноязычного словообразования, которое вместило в себя не один формант, так и на стадии попытки его передачи несколькими формантами в подражание по форме языку-оригиналу. А в паре русский—арабский задача передачи достижения формальной эквивалентности становится неосуществимой, поскольку, как мы указывали выше, в арабском с его внутренней флексией допускается присоединение только гласных звуков внутри корня и их количественное изменение. Например, системы приставок, передающих значение местонахождения в пространстве или направление движения, в арабском нет. Русские глаголы типа *пришел, зашел, подошел, отошел* и т.д. передаются разными лексическими средствами, а не однокоренными глаголами с разными формантами. Поэтому в этом случае эквивалентными (семантически, но не по форме) будут считаться те арабские соответствия, которые образованы внутренней флексией базы. Ср.: рус. *копить* — араб. [iahzinu] يَخْرُن → рус. *накопитель* — араб. [hāzinun] خازن; рус. *мерить* — араб. [īaqīsu] يَقِيْسُ → рус. *измеритель* — араб. [miqīāsun] مِقْيَاسٌ; рус. *греть* — араб. [īudaff`u] يُدْفِئُ → *нагреватель* — араб. [mifa`tun] مِدْفِئَةٌ.

Что касается исходной/неисходной и единственной/неединственной мотиваций, то при работе с ними нужно ориентироваться на те же практические правила. По общности корня выделяется коренное значение обоих слов — производящих и производных слов, а словообразовательные форманты берут на себя задачу раскрыть словообразовательные значения. Отметим, что нерегулярная мотивации значительно снижает возможность достижения переводческой эквивалентности. Регулярность способа образования позволяет переводчику освоить повторяющиеся средства образования новой лексики. Например, при переводе именовании инструментов: рус. *веять* — араб. [īūdarrī] يُدْرِي → рус. *веялка* — араб. [midrātun] مِذْرَاةٌ ; рус. *греть* — араб. [īudaff`u] يُدْفِئُ → рус. *грелка* — араб. [midf`tun] مِدْفِئَةٌ; рус. *поить* — араб. [īasqī] يَسْقِي → рус. *поилка* — араб. [misqātun] مِسْقَاةٌ; рус. *сеять* — араб. [īabduru] يَبْدُرُ → рус. *сеялка* — араб. [mibdātun] مِبْدَرَةٌ, где в арабском мы выделяем формант *mi*, в совокупности с другими изменениями внутри корня всегда указывающий на инструмент. Продуктивность данного вида словообразовательной мотивации свидетельствует, что именно этим деривационным формантом выражается значение «орудие действие», что дает переводчикам возможность активировать языковую интуицию и по аналогии перевести подобные слова новой лексики. Именно регулярная мотивация стимулирует когнитивное мышление

переводчика улавливать механизмы образования и порождения новой лексики. От нерегулярной мотивации такого результата невозможно ожидать, но она все-таки участвует в познании редких словообразовательных типов.

Выводы и обобщения

Таким образом, такие аналитические и синтетические операции, как словообразовательный анализ и словопроизводство, являются частью или одними из этапов переводческой деятельности, стремящейся к эквивалентности, цель которой — передать значимые элементы, выделенные словообразованием. На первом ее этапе словообразовательный анализ, как вычленение корня мотивирующей базы и деривационного аффикса, показывает, как возможно найти переводческий эквивалент. Дальнейшие переводческие действия зависят от того, насколько близки структуры участвующих в переводе языков.

Нами были выделены особенности арабского языка (форманты с определенным значением, которым нет аналога в русском, грамматическая категория породы глагола, отсутствие развитой системы аффиксов, регулярная внутренняя флексия и др.), понимание которых ведет к достижению эквивалентности при русско-арабском переводе на заключительном его этапе.

Не менее значимыми оказались составленные теоретиками классификации словообразовательной мотивации, которые делят ее прямую и метафорическую, исходную и неисходную, единственную и неединственную, непосредственную и опосредованную, регулярную и нерегулярную. Мы попытались дать ответ на вопрос, должны ли совпадать эти мотивации в языке-оригинале и языке перевода и при каких условиях можно говорить об эквивалентности переводе при несохранении вида мотивации. Нами было отмечено, что арабский язык чаще использует метафорическую мотивацию при порождении новых слов и редко принимает заимствования. Мотивированные на основе метафорической связи слова в переводе редко будут сохранять заложенную в них образность, если будут удерживать образность вообще, что обусловлено сложным несоответствием картин мира у носителей русского и арабского языков. Вместе с тем научные неологизмы показали во всем проанализированном материале практически полное сходство всех элементов даже в случае метафорической мотивации, что позволило нам, если говорить об интернациональности терминологии, предположить и интернациональность метафор узко специальных неологизмов.

Безусловно, каждый из видов мотивации в языке-оригинале диктует свои правила осуществления перевода. Так, при переводе метафорически мотивированного слова задаче переводчика найти нужный эквивалент в языке перевода предшествует поиск эквивалента, не метафорического, прямо указывающего на значение, в языке оригинала, поскольку необходимо знать ту мотивационную связь, по которой производные и производящие слова связываются.

Если неединственная мотивация оказалась актуальной для арабского перевода, более того, к ней переводчик может прибегать как к описательному методу в случаях особых затруднений, то опосредованная мотивация в арабском с его внутренней флексией отсутствует. Очевидно, что это может сказаться на эквивалентности и адекватности перевода с арабского на русский, тем более неносителем русского.

Касаясь регулярной мотивации, мы отметили ее роль в стимулировании целого ряда переводческих умений, как проведение аналогии, лингвистический прогноз и др.

Проведенное нами сопоставительное исследование выявило отличное и схожее не столько в структуре языков и их элементах, сколько в их словообразовательных системах, и позволило внести вклад в частную методику русско-арабского перевода.

Библиографический список

1. *Беляева М.Ю.* Узуально-окказиональные словообразовательные гнезда с вершинами-зоонимами // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография. Майкоп: Магарин О.Г., 2017. С. 380—397.
2. *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: лексикологический аспект. Томск: ТГУ, 1984.
3. *Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А.* Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 5—12.
4. *Козинец С.Б.* Частичная метафора в русском языке // Предложение и слово. Саратов: СГУ, 2002. С. 416—421.
5. *Ширинов И.А.* Теоретические проблемы гнездования. М.: Прометей, 1999.
6. *Рацибурская Л.В.* О типологии словообразовательных мотиваций (на примере словообразовательных цепей со словами единичной структуры) // Филологические исследования: сборник статей молодых ученых. Н. Новгород, 2004. С. 193—198.
7. *Ходунова Т.Н.* Словообразовательное гнездо с вершиной «двигать»: история и современное состояние. Автореф.: дис. канд.филол. наук. М., 2010.
8. *Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию. М.: Госучпедгиз, 1959.
9. *Земская Е.А.* Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989.
10. *Ibn Faris, Abu Al-Hussein Ahmad Ibn Zakaria.* Dictionary of Language Standards. Jordan: Dar Al-Fikr, 1979.
11. *Jabal M.H.* The theoretical and practical derivation. Cairo: Literature Library, 2006.
12. *Mubarak M.* Philology and characteristics of Arabic. Lebanon: Dar Al Fikr, 2005.
13. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение. М.: Красад, 2010.
14. *Al-Foadi Raheem Ali.* Cognitive Elements And Criteria Of The Progressive Inflectional System In Modern Russian Language in The Process Of Verbal Communication (Cognitive Word-Formation Analysis Of The Word Structure) // Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). 2018. Vol. 8. Issue 6. P. 104—109.
15. *Улукханов И.С.* Словообразовательная мотивация и ее виды // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1971. Вып. 1. Т. XXX. С. 37—46.
16. *Словарь русского языка.* М.: Русский язык, 1985—1988.
17. *Низаметдинова Н.У.* Историческое словосложение как объект исследования // Филологические науки. 2003. № 6. С. 71—81.
18. *Al-Askari Abu Hilal Al-Hassan bin Abdullah bin Sahl.* The Two Industries Book. Writing and Poetry. Cairo: Al-Babi Al-Halabi, 1952.
19. *Shinawa Suad Shaker.* The Semantic Level in the Rhetorical Arts // Al-Qadisiyah Journal of Literature and Educational Sciences. 2007. Vol. 6. Issues 3—4. P. 105—116.

20. *Al-Jurjānī ‘Abd al-Qāhir ibn ‘Abd al-Raḥmān*. The Secrets of the Rhetoric. Istanbul: Ministry of Knowledge, 1954.
21. *Maghmuli Ismail*. The term in the Arab Islamic heritage and the methods of its development // Arab Heritage Journal. 2004. Issue 93—94. P. 27—37.
22. *Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001.
23. *Kim Wallmach*. Feminist translation strategies: Different or derived? // Journal of Literary Studies. 2006. № 22(1—2). P. 1—26.

References

1. Beljaeva, M.J. (2017). Usual-occasional derivational nests with zoonyms tops. In: *Theory and practice of onomastic and derivatological research*. Majkop: Magarin O.G. pp. 380—397. (In Russ.).
2. Blinova, O.I. (1984). *The phenomenon of word motivation: the lexicological aspect*. Tomsk: TGU. (In Russ.).
3. Boldyrev, N.N. & Panasenko L.A. (2013). Cognitive basis of lexical categories and their interpretive potential. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 5—12. (In Russ.).
4. Kozinec, S.B. (2002). Partial metaphor in Russian. In: *Sentence and word*. Saratov: SGU. pp. 416—421. (In Russ.).
5. Shirshov, I.A. (1999). *Theoretical problems of words formation*. Moscow: Prometej. (In Russ.).
6. Raciburskaja, L.V. (2004). On the typology of word-formation motivation (on the example of word-formation chains with words of a unit structure). *Philological studies: a collection of articles by young scientists*. pp. 193—198. (In Russ.).
7. Hodunova, T.N. (2010). *Word-formation nest with the top “move”: history and current state: [dissertation]*. Moscow. (In Russ.).
8. Vinokur, G.O. (1959). Notes on Russian word formation. Morphology Text: a course of lectures. In: *Selected works on the Russian language*. Moscow: Gosuchpedgiz. pp. 419—443. (In Russ.).
9. Zemskaja, E.A. (1989). *Modern Russian language*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
10. Ibn, Faris & Abu Al-Hussein, Ahmad Ibn Zakaria (1979). *Dictionary of Language Standards*. Jordan: Dar Al-Fikr. (In Arab.).
11. Jabal, M.H. (2006). *The theoretical and practical derivation*. Cairo: Literature Library. (In Arab.).
12. Mubarak, M. (2005). *Philology and characteristics of Arabic*. Lebanon: Dar Al Fikr. (In Arab.).
13. Fortunatov, F.F. (2010). *Comparative linguistics*. Moscow: Krasad. (In Russ.).
14. Al-Foadi, Raheem Ali (2018). Cognitive Elements and Criteria of the Progressive Inflectional System in Modern Russian Language in The Process Of Verbal Communication (Cognitive Word-Formation Analysis Of The Word Structure). *Modern Journal of Language Teaching Methods* (MJLTM), 8(6), 104—109.
15. Uluhanov, I.S. (1971). Word-formation motivation and its types. *News of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 1, 37—46. (In Russ.).
16. Dictionary of the Russian language (1985—1988). Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
17. Nizametdinova, N.U. (2003). Historical composition as an object of research. *Philological sciences*, 6, 71—81. (In Russ.).
18. Al-Askari & Abu Hilal Al-Hassan bin Abdullah bin Sahl (1952). *The Two Industries Book. Writing and Poetry*. Cairo: Al-Babi Al-Halabi. (In Arab.).
19. Shinawa, Suad Shaker (2007). The Semantic Level in the Rhetorical Arts. *Al-Qadisiyah Journal of Literature and Educational Sciences*, 6(3—4), 105—116. (In Arab.).
20. Al-Jurjānī, ‘Abd al-Qāhir ibn ‘Abd al-Raḥmān (1954). *The Secrets of the Rhetoric*. Istanbul: Ministry of Knowledge. (In Arab.).

21. Maghmuli, Ismail (2004). The term in the Arab Islamic heritage and the methods of its development. *Arab Heritage Journal*, 93—94, 27—37. (In Arab.).
22. Janko-Trinickaja, N.A. (2001). *Word formation in modern Russian*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
23. Wallmach, Kim (2006). Feminist translation strategies: Different or derived? *Journal of Literary Studies*, 22(1—2), 1—26.

Сведения об авторах:

Аль-Фoadи Рахим Али, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Багдадского университета; *сфера научных интересов*: общее и сопоставительное языкознание; *e-mail*: raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq ORCID 0000-0001-8699-9596

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *сфера научных интересов*: сопоставительное языкознание, функциональная грамматика и лексикология арабского языка, методика преподавания арабского языка, современная арабская литература; *e-mail*: widaad@yandex.ru ORCID 0000-0001-9910-7913

Аль-Рознамачи Рагад Хани, кафедра русского языка филологического факультета Багдадского университета; *сфера научных интересов*: сопоставительное языкознание; *e-mail*: raghad.hani191.rh@gmail.com ORCID 0000-0002-5083-1924

Information about the authors:

Raheem A. Al-Foadi, Doctor of philological sciences, Associate-Professor of the Russian Language Department, College of Languages of the University of Baghdad. *The sphere of research* includes: General linguistics, Comparative linguistics; *e-mail*: raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq ORCID 0000-0001-8699-9596

Victoria N. Zarytovskaya, PhD of pedagogical sciences, Associate-Professor of the Department of Foreign Languages, the Faculty of Humanities and Social Sciences of the RUDN University. *The sphere of research* includes: Comparative linguistics, Functional grammar and lexicology of the Arabic language, Methods of teaching the Arabic language, Modern Arabic literature; *e-mail*: widaad@yandex.ru ORCID 0000-0001-9910-7913

Ragad H. Al-Roznamachi, the Department of Russian Language, College of Languages of the University of Baghdad. *The sphere of research* includes: Comparative linguistics; *e-mail*: raghad.hani191.rh@gmail.com ORCID 0000-0002-5083-1924